

Сохранилось фото тети Сэди и ее шестерых детей, сидящих за чайным столом в поместье Алконли. Стол, как было всегда и будет впредь, стоит в холле, перед громадным камином. На фотографии ясно видна висящая на стене саперная лопатка, которой в 1915 году дядя Мэттью, одного за другим, перебил восьмерых солдат, выползавших из немецкого блиндажа. Лопатка, до сих пор испачканная кровью и прилипшими к ней волосами, когда мы были детьми являлась предметом нашего восхищения. Неизменно красивое лицо тети Сэди на фотографии кажется необычно округлившимся, волосы — необычно распушившимися, а одежда — необычно неряшливой, но это, безусловно, она — сидит и держит на коленях утопающего в кружевах Робина. Она как будто не вполне понимает, куда пристроить головку ребенка, а за пределами кадра явно присутствует няня, ожидающая момента, чтобы его забрать. Остальные дети, от одиннадцатилетней Луизы до двухлетнего Мэтта, в нарядных платьях и костюмах или оборчатых передничках, сидят вокруг стола, держа, в зависимости от возраста, чашку или кружку и таращась в камеру широко распахнутыми глазами. Губы детей сложены в круглый бантик и выглядят так, будто во рту у них никак не растает кусочек масла. Вот они, впечатав-

шиеся в этот момент, как мухи в янтарь. Камера щелкнет, а потом жизнь покатится вперед (минуты, дни, годы, десятилетия) и понесет их все дальше и дальше от этого счастья, обещаний юности, надежд, которые, вероятно, возлагала на них тетя Сэди, и тех мечтаний, которыми грезили они сами. Я часто думаю, что нет ничего столь же мучительно грустного, как такие старые семейные фото.

В детстве я проводила свои рождественские каникулы в Алконли, так уж было заведено. Некоторые из этих праздников проносились мимо, не оставляя о себе каких-то значимых воспоминаний, другие же были отмечены бурными событиями и выделялись из общего ряда.

Например, был случай, когда загорелось крыло здания, в котором жили слуги. Было и такое, что мой пони завалился на переправе и чуть не утопил меня в ручье (вскоре его оттащили, но говорят, что я уже пускала пузыри). Была еще и драма с десятилетней Линдой, совершившей попытку самоубийства, чтобы воссоединиться со старым вонючим бордер-терьером, которого пришлось застрелить дяде Мэттью. Она набрала и съела полную корзинку тисовых ягод. Но няня застучала ее за этим занятием и заставила в качестве рвотного выпить воды с горчицей, после чего Линда заработала выговор от тети Сэди и подзатыльник от дяди Мэттью, была уложена в постель на несколько дней и получила во владение щенка-лабрадора, который вскоре занял в ее сердце место старого бордера. Не такой уж плохой вариант наказания, на мой взгляд. Хуже получилось, когда Линда, будучи уже двенадцатилетней, рассказала пришедшим на чай соседским девочкам, откуда, по

ее мнению, берутся дети. Эти сведения в изложении Линды были настолько шокирующими, что ее гости покинули Алконли с диким воем, подорванным психическим здоровьем и в значительной мере утраченными шансами на нормальную интимную жизнь в будущем. Расплатой стала серия ужасных карательных мер — от нешуточной порки, осуществленной дядей Мэттью, до запрета в течение недели обедать за общим столом. Незабываемыми также стали каникулы, когда дядя Мэттью и тетя Сэди уехали в Канаду. Дети Рэдлеттов каждый день мчались за газетами, в надежде прочесть, что корабль их родителей пошел ко дну вместе со всеми пассажирами; они жаждали стать круглыми сиротами — особенно Линда, которая так и видела себя в роли главной героини книги «Вот, что сделала Кэти»*, берущей бразды домашнего хозяйства в свои маленькие, но умелые ручки. Корабль не встретился с айсбергом и выдержал атлантические штормы, но зато мы получили чудесные каникулы, свободные от правил.

Впрочем, больше всего мне запомнилось Рождество, когда я была уже четырнадцатилетней и случилась помолвка тети Эмили. Тетя Эмили была сестрой тети Сэди, и она воспитывала меня с младенчества, потому что моя родная мать, их младшая сестра, решила, что слишком красива и беспечна для того, чтобы в девятнадцать лет обременить себя заботами о ребенке. Она покинула моего отца, когда мне был месяц от роду, и в дальнейшем убегала так часто и со столь многими и разными мужчинами,

* «Вот, что сделала Кэти» — детская книга американской писательницы Сьюзан Кулидж.

что получила среди родных и друзей прозвище — Сумасбродка. Что касается моего отца, то его вторая жена, — а там и третья, четвертая, пятая, — большого желанья воспитывать меня, конечно, не имела. Периодически какая-нибудь из этих кратковременных родительниц, как ракета, появлялась на моем горизонте и отбрасывала на него свое волшебное зарево. Все эти женщины были настолько красивы и соблазнительны, что я страстно желала быть подхваченной и унесенной прочь их искрометным огненным шлейфом, хотя в глубине души понимала, как мне повезло, что у меня есть тетя Эмили. Постепенно, по мере того как я росла, они утратили в моих глазах всякое очарование — холодные, серые обшивки потухших ракет ветшали там, где им случилось приземлиться: моя мать с неким майором на юге Франции, а отец, распродавший из-за долгов свои поместья, — со старой румынской графиней на Багамах. Окружающий их гламур поблек задолго до моего совершеннолетия, и не осталось ничего, — никакой основы хотя бы в виде детских воспоминаний, — чтобы я могла выделить этих немолодых людей из числа других таких же. Тетя Эмили никогда не была гламурной, но она всегда была мне матерью, и я ее любила.

Однако в то время, о котором сейчас идет речь, я была в том возрасте, когда каждая, даже совсем лишенная фантазии, девочка воображает себя подкидышем королевской крови, индийской принцессой, Жанной д'Арк или будущей русской императрицей. Я тосковала о своих родителях, при упоминании о них напускала на себя идиотский вид, который должен был выражать смесь страданий и гордости,

и представляла их себе глубоко погрязшими в романтических и смертных грехах.

Нас с Линдой тогда очень занимали мысли о грехе, и нашим любимым героем стал Оскар Уайльд.

— Но что он такого сделал?

— Я однажды спросила у Па, а он зарычал на меня — боже, это было так страшно! Он сказал: «Если ты еще раз произнесешь в нашем доме имя этого мерзавца, я тебя высеку, слышишь, черт тебя подери!» Тогда я спросила у мамы. Она сделалась такой таинственной и сказала: «Ох, детка, я, право, и сама толком не знаю, но точно это что-то ужасно скверное, хуже убийства. И, дорогая, не говори о нем за столом, хорошо?»

— Мы должны все выяснить.

— Боб говорит, что выяснит, когда поступит в Итон.

— О боже! Как думаешь, он был хуже, чем мои мама и папа?

— Конечно же нет. Ведь хуже некуда. О, тебе так повезло, что у тебя порочные родители.

В то Рождество я одолела шестимильную дорогу от станции Мерлинфорд и, ввалившись из темноты в холл Алконли, была ослеплена электрическим светом. Каждый год происходило одно и то же: я всегда приезжала все тем же поездом, поспевая к вечернему чаю, и неизменно находила тетю Сэди и детей сидящими вокруг стола, под саперной лопаткой, точь-в-точь как на той фотографии. И стол был тот же самый, и та же чайная посуда: фарфоровые чашки, разрисованные крупными розами, блюдо с ячменными лепешками и чайник, тихо побульки-

вающий над язычками пламени спиртовки. Люди, конечно, постепенно изменялись, дети вырастали и взрослели, в семействе появилось прибавление — маленькая Виктория, которая вперевалку ковыляла по комнате с зажатым в кулачке печеньем. Ее перемазанная шоколадом рожица являла собой кошмарное зрелище, но сквозь эту липкую маску ярко сиял твердый, голубой, бесспорно рэдлеттовский взгляд.

Мое появление вызвало громкий шум отодвигаемых стульев, и стая Рэдлеттов набросилась на меня с мощью, почти граничащей со свирепостью своих охотничьих собак, кидающихся на лису. Кроме Линды. Она обрадовалась мне больше всех, но решила этого не показывать. Когда гвалт утих и меня усадили перед лепешкой и чашкой чаю, она спросила:

— А где Бренда?

Так звали мою белую мышь.

— У нее воспалилась спина, и она умерла, — ответила я. Тетя Сэди с беспокойством посмотрела на Линду.

— Ты что, скакала на ней верхом? — сострила Луиза.

Мэтт, недавно перешедший под опеку французской бонны, подражая ей, пропищал:

— *C'était, comme d'habitude, les voies urinaires**.

— О боже, — пробормотала себе под нос тетя Сэди.

Крупные слезы закапали Линде в тарелку. Никто не плакал так много и так часто, как она. Ее могла

* Обычные проблемы с почками (*фр.*).

расстроить любая малость. Особенно сильно на нее действовало дурное обращение с животными, и если Линда начинала рыдать, успокоить ее стоило очень больших трудов. Она была нежным и чрезвычайно нервным ребенком, и даже тетя Сэди, имевшая очень смутные представления о здоровье своих детей, знала, что избыток слез не давал Линде уснуть ночью, отвращал от еды и вообще наносил ей вред. Другие дети, особенно Луиза и Боб, которые очень любили подразнить, поддевали Линду как могли и периодически получали нагоняй за то, что вынуждали ее плакать. Книги «Черный красавец», «Старина Боб», «Повесть о благородном олене» и все рассказы Сетона-Томпсона были под запретом в Алконли из-за Линды, которую они в то или иное время довели до отчаяния. Их следовало прятать, поскольку не было никакой уверенности, что, оставленные на виду, они не подтолкнут ее предаться неистовому самоистязанию.

Зловредная Луиза сочинила стишок, который всегда вызывал у Линды реки слез:

Бездомная спичка-сиротка
 Лежит одиноко и кротко,
 Не хнычет, не стонет,
 Слезу лишь уронит,
 Несчастливая спичка-сиротка.

Когда тети Сэди не было поблизости, дети мрачно декламировали его хором. В некоторых случаях, при определенном настрое страдальцы, им достаточно было лишь посмотреть на спичечный коробок, чтобы полностью ее уничтожить. Однако иногда Линда чувствовала себя более сильной и более способной

справляться с жизнью, и в ответ на подковырки у нее из самого нутра произвольно исторгался грубый хохот.

Она была не только самой любимой из моих двоюродных сестер, но — и тогда, и многие годы после — самым любимым человеческим существом на свете. Я обожала всех своих кузенов и кузин, однако Линда концентрировала в себе, ментально и физически, самую сущность семейства Рэдлеттов. Правильные черты ее лица, прямые каштановые волосы и большие голубые глаза были как бы главной музыкальной темой, а лица других — лишь ее вариациями. Все они были миловидны, но ни одно не было так самобытно, как у Линды. В ней было что-то яростное, даже когда она смеялась, что делала частенько и всегда словно бы по принуждению, против собственной воли. Этот смех почему-то наводил меня на мысли о молодом Наполеоне, каким его изображают на портретах. Эдакая сумрачная напряженность.

Я видела, что Линда гораздо больше горюет о Бренде, чем я. Все потому, что мой медовый месяц с этой мышью закончился, и мы с ней давным-давно перешли к скучным и бесцветным отношениям, похожим на постылое супружество. Когда у Бренды на спине обнаружилась отвратительная болячка, я лишь из чистого приличия смогла заставить себя обращаться с ней по-человечески. Конечно, испытываешь шок, однажды утром найдя кого-то одеревенелым и холодным на полу в его клетке, но я вздохнула с большим облегчением, когда страдания несчастной наконец закончились.

— Где она похоронена? — яростно пробормотала Линда, глядя себе в тарелку.

— Возле зарянки. Над ней поставлен прелестный маленький крест, а ее гробик обшит розовым атласом.

— А теперь, Линда, милая, — сказала тетя Сэди, — если Фанни допила чай, почему бы тебе не показать ей свою жабу?

— Она сейчас спит наверху, — сказала Линда. Но плакать перестала.

— Тогда скушай горячий тост, он очень вкусный.

— А можно намазать его анчоусовой пастой? — спросила Линда, спеша воспользоваться настроением матери, потому что анчоусовую пасту держали исключительно для дяди Мэттью — она считалась не полезной детям. Остальные демонстративно обменялись многозначительными взглядами, которые, на что и был расчет, были перехвачены Линдой, и та, громко зарыдав, сорвалась с места и кинулась вверх по лестнице.

— Ах, если бы вы только перестали дразнить Линду! — раздраженно пробормотала обычно незлобивая тетя Сэди и поторопилась вслед за дочерью.

Когда она оказалась вне пределов слышимости, Луиза прошептала:

— Если бы да кабы, да во рту росли грибы... Завтра охота на детей, Фанни.

— Да, Джош мне сказал. Он был в машине — ездил к ветеринару.

Дядя Мэттью держал четырех великолепных английских гончих, с которыми устраивал охоту на детей. Двое из нас отправлялись вперед с хорошим запасом времени, чтобы проложить след, а дядя Мэттью и остальные ехали вдогонку верхом в сопровождении собак. Было страшно весело. Однажды дядя

Мэттью перенес это развлечение ближе к моему дому и гнал нас с Линдой по пустоши в Шенли, чем произвел грандиозный переполох среди жителей графства Кент, направлявшихся на воскресную службу. Они были потрясены видом четырех огромных собак в бешеной погоне за двумя маленькими девочками. Дядя Мэттью показался им злым лордом из романа, а за мной еще прочнее закрепилась слава сумасбродной и испорченной девчонки, с которой опасно водиться их детям.

В те мои рождественские каникулы детская охота прошла великолепно. Нам с Луизой выпало счастье быть зайцами. Мы побежали по нетронутой земле красивого, открытого всем ветрам Котсуолдского нагорья, стартовав вскоре после завтрака, когда солнце еще висело красным шаром, едва выступившим из-за горизонта, а деревья четко выделялись своими темно-синими ветвями на фоне то бледно-голубого, то лавандово-лилового, то розоватого неба. Пока мы, спотыкаясь, с трудом продвигались вперед и страстно желали обрести второе дыхание, солнце окончательно взошло и засияло. Разгорался прекрасный, по ощущению больше похожий на осенний, чем на рождественский, день.

Один раз нам удалось обмануть гончих, пробежав сквозь стадо овец, но вскоре дядя Мэттью снова навел их на след, и когда мы, изможденные двумя часами тяжелого бега, были всего лишь в полумиле от дома, эти лающие, слюнявые твари все же настигли нас и получили в награду заранее приготовленные и сдобренные многочисленными ласками куски мяса. Дядя Мэттью, в самом лучезарном настроении, слез с коня и остаток обратного пути, как и мы,

шел пешком, добродушно болтая с нами. И что самое необычное — он был весьма обходителен даже со мной.

— Я слышал, Бренда умерла, — сказал он. — Считаю, не велика потеря. Эта мышь воняла, как черт. Полагаю, ты держала ее клетку слишком близко к радиатору, я всегда говорил тебе, что это нездорово. Или она умерла от старости?

Обаяние дяди Мэттью, когда он решал его включить, было изрядным, но в те времена он внушал мне животный страх, и я сделала ошибку, позволив ему это заметить.

— Тебе надо бы завести соню, Фанни, или крысу. Они гораздо интереснее белых мышей — хотя, если честно, из всех мышей, каких я знал, Бренда была самой убогой.

— Она была очень скучной, — угодливо поддакнула я.

— Мне нужно в Лондон после Рождества, я привезу тебе соню. Я уже приглядел одну на днях в магазине «Армия и флот».

— О, Па, так несправедливо! — воскликнула Линда, которая ехала на своем пони рядом с нами. — Ты же знаешь, что это я всегда мечтала о сонке.

Вопль: «Несправедливо!» извергался юными Рэдлеттами непрерывно. Большим плюсом для рожденных в большой семье является то, что они рано усваивают истину — жизнь несправедлива по своей сути. В случае Рэдлеттов, надо сказать, этот закон почти всегда демонстрировался на примере Линды, любимицы дяди Мэттью.

Сегодня, однако, дядя был сердит на нее, и до меня вдруг дошло, что его странная приветливость